

Литературная газета

Вторник, 1 сентября 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (612)

ДА ЗДРАВСТВУЕТ XXII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕСКИЙ ДЕНЬ — ДЕНЬ БОРЬБЫ ТРУДЯЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ФАШИЗМА, ЗА МИР, ЗА СОЦИАЛИЗМ!

Самая счастливая в мире

Тысячи ужасающих фактов ежедневно свидетельствуют об отчаянном положении трудящейся молодежи в империалистическом мире. В лагерях трудовой повинности фашистской Германии, в Японии и Китае, в Польше и Чехословакии, в Америке и Англии — везде свирепствует жестокая эксплуатация, толкающая отчаявшихся молодых рабочих и работниц на нищенство, бродяжничество, преступление. Миллионы молодых трудоспособных людей лишены возможности трудиться и обречены капиталистическим строем на голодную смерть. Не лучше положение тех, кто имеет работу. Жесточайшая эксплуатация, низкая зарплата при все увеличивающемся рабочем дне, постоянная угроза безработицы — все это превращает жизнь молодого рабочего и работницы в мрачный ад.

Особенно тяжело и бесправно положение девушек-работниц в капиталистических странах. Она получает жалкую зарплату, почти никогда не имеет пособия по безработице, а работница открыто превращена в живой товар, который продается и перепродается — на капиталистические фабрики и в публичные дома.

Молодежь в капиталистическом мире лишена образования, не имеет никаких трудовых условий, лишена культурного отдыха и развлечения. Юность — лучшее время жизни — проводит она в тяжелых страданиях, в голоде и нищете, в унижении, в мрачных условиях жизни рабочих капиталистического мира. Страшный политический гнет, доходящий до беспощадных форм политического бесправия в странах фашизма, особенно в Германии и Японии, нищета и голод, безработица, бесправное существование — вот картина жизни трудящейся молодежи, как и всех трудящихся в мире капитализма.

Капиталистический мир лихорадит, вымывает новые войны, в первую очередь — войну против Советского Союза. В главных центрах подготовки кровавой войны — в Германии и Японии — наряду с боевым ростом вооружений ведется разветвленная шпионистическая и милитаристическая пропаганда, рассчитанная на затмение сознания трудящихся, а в первую очередь рабочей и женской молодежи — основного оплота капиталистических армий. В этой момент фашистские заправилы идут вперед, давая трудящегося человечества в кровавую братоубийственную войну.

Явный резкий контраст между жизнью молодежи в капиталистическом мире и радостной, счастливой жизнью советской молодежи! Социалистический строй создал все необходимые для творческого роста и развития каждого молодого гражданина советской страны. Он работает — молодой человек нашей страны — в условиях социалистического предпринимательства в городе или в условиях колхозной деревни, где нет эксплуататорского человека, где парит трудовой труд на благо социалистического общества. Право на труд, право на отдых, право на образование — права, записанные в великой Сталинской Конституции, обеспечены могуществом нашего государства и выходящим из-под пера Сталина миллионной и девушек социалистической страны. У нас запрещен детский труд на производстве, молодежь, достигшая 18 лет, работает, как и взрослые рабочие, не более 7 часов, подростки — 6 часов, а ученики ФЗУ — 5 часов в день. Они работают в новых условиях труда на предприятиях и в колхозах, в условиях, в корне отличных от капиталистических.

Партия и правительство повседневно работают о полнее культурного и политического уровня нашей молодежи. Молодежь учится в десятках тысяч школ, техникумов, школ ФЗУ, школ на всевозможных курсах, в различных кружках. Рост квалифицированной молодежи и производительно ее труда обеспечил большой рост материального уровня жизни молодых рабочих и работниц, колхозников и колхозниц.

Культурные запросы молодежи, ее стремление к культурным развлечениям широко удовлетворяются в нашей стране: тысячи театров, кино, библиотек, клубов, стадионов, музеев, физкультурных учреждений, красных уголков, библиотек и т. п. обслуживают советскую молодежь, наши издательства и газеты дают молодежи лучшую книгу, лучшую газету.

Девушки-работницы и колхозницы, во всем равноправные с юношами, активно участвуют в жизни страны, работают во всех отраслях производства, становятся летчицами, инженерами, руководящими советских и партийных учреждений.

Неудивительно, что наша молодежь — самая здоровая, самая радостная, веселая, счастливая молодежь в мире. Неудивительно, что в первых рядах стахановцев-энтузиастов нового социалистического труда идут юноши и девушки социализма. Ленинский комсомол, верная опора большевистской партии, поднимает активную, творческую жизнь все новых и новых миллионов молодых граждан, руководя ими в их труде и учебе, воспитывая на них преданных борцов за социализм.

Наша молодежь полна мужества и отваги и на всех участках социалистического строительства, на полях работы метро и в воздушных пространствах нашей родины, в стенах научных учреждений и лабораторий и в пустынях Арктики, на спортивных состязаниях и на ученических конгрессах, в угольных шахтах и на пахотных землях — везде она показывает великолепные образцы социалистического труда, мужей воли, все растущей культуры.

Общественная великая любовь нашей молодежи к своей родине, ее безраздельная преданность партии и великому Сталину, лучшему другу и учителю советской молодежи. Подвиги наших пограничников-комсомольцев, героическая работа миллионов юношей и девушек в промышленности и сельском хозяйстве, в Красной армии — блестящее свидетельство высокого советского патриотизма нашей молодежи. Молодежь прекрасно знает, что своим счастьем, своей радостной творческой жизнью она обязана победе социализма в нашей стране, мудрости партии, гению Сталина. Поэтому так горячо бьются миллионы молодых сердец великой любовью к своему трудящемуся человечеству, поэтому так героически работает и учится советская молодежь, поэтому с такой ненавистью и презрением завистливая она фашистское извержение Троцкого-Зиновьева-Каменева и их банды агентов гестапо, покушавшихся на социалистический строй и его руководителей.

XXII международный юношеский день — день борьбы против войны и фашизма — революционная молодежь капиталистического мира, самозабвенно и героически борющаяся на баррикадах социалистической революции, будет встречать как день своего боевого славия. Героические комсомольцы Испании и Китая, Германии и Японии, молодые революционеры всех капиталистических стран — этот день под руководством коммунистических партий, под лозунгами Коммунистического Интернационала, будут крепить единый фронт антифашистской молодежи для борьбы за мир, против войны и фашизма, за демократические права, за политические и экономические требования.

Молодежь стран великого социализма, страны Советов выйдет в этот день на демонстрации, как победительница, как радостная и счастливая фаланга молодых тружеников городов и деревни, как нет и гордость социалистического общества. В этот социалистический день, день ленинского-сталинского комсомола, день великих итогов и намеченных задач дальнейшей борьбы за выполнение великой задачи, возложенной на него партией — залучи коммунистическо-го воспитания детей и молодежи.

Гордая и могучая советская молодежь в этот день выйдет на улицы со знаменами, на которых будут написаны лозунги партии и комсомола. Под этими знаменами борется и побеждает молодежь. Под этими знаменами она демонстрирует свою любовь к великой родине и мудрому вождю и другу, свою преданность идеям коммунизма, свою готовность до последней капли крови защищать нашу страну молодого счастья, готовность к новым боям и победам.

Закорко спокойно отдает распоряжения, он как бы нажимает невидимые рычаги, и последующие его уверенные руки во-время отправляют поезда, во-время получают заводы уголь, руду, нефть, во-время получают свою продукцию. Но вот в селекторе раздается растерянный голос: — Товарищ Закорко! Угел эабыт... зашлили! Не можем принять ни одного поезда... Нет паровозов! — Не волнуйтесь. Сейчас выслала паровоз. Срочно формируйте состав. Срог — сорок минут. Справились? — Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я разволнуэ уаа.

— Есть, товарищ Закорко! Справились! — весело отвечает ободравшийся человек.

— Не можем в такой срок... Никак не можем! — А вы попробуйте. Если справитесь, то — услуга за услугу — я утру я

Меч-победитель

ГАСЕМ ЛАХУТИ

Слышал я: витязь, похитивший
спасенный ужом,
Одним волком повстречал
одна, в лесу глухом.
Взлетел топором в небо, зверь
готовился к прыжку,
И руку юного занес
к упрямому клинку.
Наутрашню, словно лев,
на волка он напал.
Глядел на них со стороны
насмешливый шакал.
«Ах! — молвил он. — Такой храбрец,
вотель и герой
Ужас доблестных побед
от себя ждет одной?
Противник безоружен твой,
ты в бой идешь с мечом,
Черней позора не встречал
я на веку своем.
Тебе не хочет ала, поверь,
твой старый, добрый друг,
Вот, послушайся меня:
меч выстуши из рук.
Ты мудр и смел, но твой клинок
меня поверг в печаль.
Ты чест и смел, но тебя
позорит алая сталь.
Кровав твой меч, оверг твой меч,
он — лютый скорпион,
Пусть благородных рук твоих
не окверняет он.
Брось его, и счастья конь
запылает под тобой.
Ты станешь светочем земли
и гордостью людской.
В мече хранишь змею тусю,
тебе же герой, ослепчан,
Довольно богатых рук,
от них погибает враг.
Громова крикнул богатырь,
сильней скамья меч:
«Молчи! Не осмелит тебя
предательская речь.
Давно ушей моих достиг
разумный суд мотыль,
Что этот волк и ты, шакал,
— родные братья вы.
Я крепко о лавке хранию
о лавке и амею сказ.
Учитель мудрый в школе мне
его твердил не раз.
Одним на дороге лаву
попался старый змей,
И видит: не уйти живым
из вражеских когтей.
«Штой, — шипит лукавый гад,
найди спасения путь.
Как ты, лисца, шкуру лаву
сумела натянуть?
Ты с виду будто гордый лев,
пусть и рои красна,
Душой же зов, коварен ты,
как окая лиса.
Ты, если вправду лев, зачем
трусил и низок так?
Ужас ругает тебя
бессильный, жалкий враг?
Смелость и зов с тобой,
у лавки и лавки любя.
Не если крошечный лаву
хоть кала у тебя, —
Будь честен, о силе моей
сравни-ка мощь свою.
Всправда ль, надо нам теперь
стать равными в бору?
Есть зов в пасту у меня,
и ты имень их.
Враги биты булем мы,
не надо лав твоих.
Тебе ли лаву унизить
мощную свою?
Не стыдно ль будет ей терять
бессонную амею?
Нет, ты, отважный, гордый лев,
беспредельный герой,
Ты дашь обиться мне вкруг лав
грядущую стальную.
А там и ты раскормишь пасту,
и я разину зев,
И мы с тобой великий лав
затем, храбрый лев!
Смелый благородный зверь
от вражеских речей
И стыдился убивать
врага себя слабей.
И горло зов согласен дал,
не зная, что таят

Арматурщик-орденоносец, один из лучших стахановцев строительства Брестского комбината синтетического каучука (в Армянской ССР) т. А. С. Котанджян, выполняющий норму на 180 проц.

«АВАРИЙНЫЙ МЕТОД»

ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ НЕ ГОТОВЫ

В этом году в Москве еще больше школ, чем в прошлом. Понятно, что значительно возросли и спрос на стабильные учебники. Однако Могиз оказался не в состоянии своевременно удовлетворить этот спрос. Найдены выходы из положения — продажа, помимо новых, подержанных учебников — осуществляется «аварийным методом». Магазины стали закупать подержанные учебники, не обращая внимания на их крайнюю неряшливость. Вырванные страницы, клеевые, рисунки на переплетах и страницах, надрывы, жирные пятна — вот далеко не полный перечень «ущербности», о которых подержанные учебники попадают в руки их новых владельцев.

Ясно, что, вручая вдумчивому в школу ученику столь «рокошному» оформленную книгу, нелепо требовать от него аккуратного, бережного хранения учебной литературы.

Более того, своим методом торговли старыми книгами Могиз нарушает основные правила гигиены: только что приобретенный в магазине старый, заусоленный учебник без какой бы то ни было профилактики идет в продажу.

Торговля учебниками в последние дни перешла и на улицы: около многих магазинов можно увидеть толпу любопытствующих ребятшек.

В одиннадцатый час утра 29 августа в магазине № 5 (Добрынинская площадь) за начальную школу не было и половины требуемых учебников, а для средней и того меньше. Например для VIII класса на 24 учеб-

ников можно было купить только 5. Для IX класса из 18 — только 4. Заместитель управляющего Могизом т. Токарев сообщил нам, что из 105 названных стабильных учебников пятнадцать названий (в основном по истории) на печати еще не вышли. Всеми названными (орфографический словарь и др.) по плану Учпедгиза и не должны были быть готовы раньше сентября.

Из пяти учебников по географии в продаже есть только один, да и то только в московских магазинах. Остальные лежат на складах, так как для них нет карт.

Могиз создал в школах книжные киоски, общее число которых к 1 сентября дойдет до 160. В них будет доставлено на 500.000 рублей учебников для всех классов. В крупных магазинах, как сообщил сотрудник «Литературной газеты» т. Токарев, будут выделены специальные работники по реставрации подержанных учебников.

Могиз и Учпедгиз не подготовились как следует к учебному году. Необходимо форсировать выпуск новых учебников. Из подержанных книг надо принимать только те, которые имеют более или менее аккуратный вид. Необходимо наладить, хотя бы частично, реставрацию старых книг и безусловно проводить их санитарную обработку. Только тогда мы сможем потребовать и от наших детей аккуратного, бережного, любовного отношения к «аккумулятору мысли» — к книге.

А. ЛИХТЕР

«Мне двадцать лет»

«Мне двадцать лет», я молод и не знаю жизни, которую люблю для меня создана! Как мог примириться со своей печальной судьбой молодой французский рабочий Жан Ривьер, выведенный в автобиографической повести комсомольца Роже Белланже*, если у него отняли право на труд, на учебу, на осязающую жизнь.

Жан Ривьер и его товарищи — Альберт и Анри, по прозвищу «Трипачинка», — так измучены были всеядо его одеждой — до конца извели горячую жизнь в трущобах Парижа, того «своего» Парижа, где жизнь сурова, где ютятся рабочие, полуголодные безработные, нищие.

Жизнь Жана Ривьера и его друзей похожа на жизнь многих других рабочих-подружков в капиталистическом городе. Не находил утешения Жан и в семье. Он ненавидит своего заглавного, полусонного отца-поженика, ибо он «отводит душу» на сине, печально избивая его. С каким ужасным хладнокровием и даже радостью принимает мальчик известие о смерти отца! Но кончались понои, и начались скитания, мятарства по домам «опасителей» вьюшества, встречи с бродягами, потом завод, безработица, полуголодное существование.

Белланже Роже, «Мне двадцать лет» Пер. с французского Э. Ю. Шлоберг. Ред. и примеч. Е. П. Колосовой. Л., изд. «Молодая гвардия», 1936, 195 стр., ц. 1 р. 75 к., тираж 25.000.

Жаном овладевает бесогонная злоба против всех — богатых и бедных. Он — отверженный и униженный членом книг о людях, выброшенных за борт. «Отверженные» Виктора Гюго бережно хранятся на его полке. Жизнь неприглядна, как вот эти дома: «глаза скользят по этим еданным, выплывают в окна без штор и занавесей, маленькие и узкие, как в казарме... В темном дворе крошечные девочки в рваных платьицах без шляпичек ползают по этой бесплодной земле». В комнате Жана аймай замерзает вода — нечем топить. В каморке его друга Анри-Трипачинки нет даже окон.

Жан присматривается к людям: некоторые ездят на работу на своих мотоциклах, но это единичны, это рабочие-аристократы. «Очиститель» те, кто имеет хотя бы временную работу. Он видит, что фашисты борются «за душу» молодежи, увлекают деморализованных, но он понимает, что они — заклятые враги рабочих и защитники эксплуататоров, хозяев, которых Жан уже научился ненавидеть.

Так рождается новый человек, новый Жан Ривьер: до его сознания доходит речь коммуниста-землекопа Микара. Его друзья теперь — комсомольцы, ведущие активную борьбу против фашизма. Это они подвигают на политический, поставленный у ворот фабрики, умурающий благополучно раздавать листовки. Выдержки, спокойствие, хладнокровие! Их не страшат тюрьмы. Они не признают анархических выступлений про-

тив фашистских молодчиков. Нападающих на рабочую молодежь. Они — за единый фронт.

Смерть комсомольца Анри-Трипачинки, убитого фашистами, научила Жана-Ривьера понимать жизнь. Слая ненависть стала классовой ненавистью. Жан увидел и понял, что не все люди испорчены, что есть такие, которые мыслят, борются.

Книга французского комсомольца Роже Белланже — искренняя исповедь о тяжелой и годоной жизни безработной молодежи, мечтающей о лучшей жизни. В этой повести даны образы юной-рабочей, предельных сомнения и колебания и нашедших путь к комсомолу. Как ни pessimistically звучит первая часть повествования, как ни безрадостна изображенная в ней жизнь, книга в целом проникнута революционным оптимистическим духом. Автор живо и тепло зарисовывает людей «старшего поколения» рабочих-коммунистов, помогающих молодежи, хорошо знающих, куда идти и с кем бороться. Радостно говорят они о Ленине, об СССР.

Подкупающая непосредственность дневника, его правдивость завоевали книге симпатии французских рабочих.

Советский читатель о интересом и вниманием прочтет эту исповедь двадцатилетнего комсомольца и поймет радость Жана Ривьера, нашедшего свой путь: «Я, наконец, понял сущность борьбы, я знаю, где мое место, и я займу его».

П. БАЛАНОВ.

Негритянская поэзия

Это было в Нью-Йорке. Как-то в трамвае я уступил место негритянской женщине, и сразу же почувствовал, что стал центром внимания почти всех пассажиров. Многие смотрели на меня весьма встревоженно. Сначала шопотом, а потом громко и весьма резко начали меня осуждать.

Я не сразу сообразил, в чем дело, но мне дали понять: я оскорбил достоинство белых мистеров и их «высоких» дам тем, что уступил место негритянке.

Этот характерный для американских нравов случай я вспоминаю, когда перелистываю книгу «Антология негритянской поэзии», выпущенную недавно в библиотеке «Огонек»*. Сколько торжеств содержит в себе стихи поэтов-негров. Нежеловечное положение негров — основная тема этих стихов.

В сознании поэтов-негров явления самого разнородного характера, вплоть до явлений природы, ассоциируются с кошмаром угнетения и разбора.

Ночь на юге — Черная мать, Опикивающая повешенных сны-веи.

И изаслованных дочерей, — шипит Томас Фелчер («Ночь»).

Подобные ассоциации часто встречаются в негритянской поэзии. Нравы «цивилизованных» американцев оказывают пагубное влияние даже на детей. Об этом о незабываемой

простотой рассказал один из даровитейших негритянских поэтов Каунти Коллен:

Бесогонный, радостный, как май, Я ехал в Балтиморе. Там белый мальчик на меня Усталости в упор.

Нам было по восьми. Ему Заулыбался во весь рот, Но он мне высунул язык И крикнул: «Нигер! Скот!» И в Балтиморе прожия И От осени до лета, Но из всего, что было там, Я помню только это.

Р. Матливу удалось показать в этом небольшом сборнике, являющемся частью его большой работы, не только лицо поэтов Клод Мак Киза, Каунти Коллена и в особенности революционных поэтов Стерлинга Бруна и Лэнгстона Хьюза, но и все разнообразие поэтических форм негритянской поэзии. Эта поэзия сочетает в себе, с одной стороны, традиционные формы англо-американской поэзии от оды вплоть до сонета и от строго выдержанных размеров до вольного стиха, а с другой — специфические формы негритянской народной поэзии.

Несмотря на все трудности перевода негритянской поэзии, — а эти трудности уступаются еще тем, что поэты часто прибегают к почти не поддающемуся переводу негритянскому диалекту, — переводы т. Матлива хороши. Ему удалось сохранить аромат негритянской поэзии, передать мелодию стиха даже в стихах, написанных вольным стихом:

Радость качает меня, как ветер, падающий парус, Как шумливый ветер, Смеющийся меж стройных осен. Я утопаю в радости, как деревья после дождя

Утопают в солнце, Сверкая серебром и зеленью. Я отдаюсь радости — Смеюсь — пою — Слишком долго ходил я по опустошенной дороге, Слишком долго блуждал я Оди.

(Кларисса Дилемма).

Что сказали бы типичные американские буржуа, увлекающиеся «эзотикой» чернокожих, обучающиеся в нью-йоркском трамвае «правильному» обращению с неграми, если б они почувствовали всю силу классовой ненависти негритянской поэзии, направленной против проклятого буржуазного общества, подавляющего негров. Революционное движение среди негров растет и развивается, как и в среде всех угнетенных и подавленных. И отголоски грядущих классовых боев слышны в песнях негритянской поэзии.

Нашему читателю книга дает живое представление о негритянской поэзии — социально насыщенной, яркой и сильной. Издание «Антология негритянской поэзии» следует считать полезным и своевременным делом.

С. АБОЛЬНИКОВ.

Троцкисты за работой

Е. ВЕЙСМАН

Фашистско-троцкистская агентура всеми силами и средствами пыталась и еще будет пытаться вести борьбу против социалистического государства, против коммунистической партии и ее вождя.

В арсенале троцкистов рядом с бойкой лежала заготовленная для умышленной бдительности, очеркливо аллюдирующая о вооруженных партиях и советской власти. Ская одна рукой в кармане револьвер, другой рукой иные троцкисты держали «научный реферат» по такому, казалось некоторым, отдаленному от современности вопросу, как об историческом романе.

Завладевшие враги народа Ц. Фридлянд и В. Тер-Ваганян развивали активную деятельность и в советской литературе. Фридлянд и Ваганян пытались сколотить и здесь свой, троцкистский актив. Фридлянд настойчиво и систематически выступал со статьями на историко-литературные темы. В частности Фридлянд создал спекулятивную шумиху вокруг романа троцкистки Г. Серебряковой «Юность Маркса».

«Те, кто недооценивает значение книги Серебряковой... допускают ошибку», — восклицал в редакции журнала «Октябрь» Ц. Фридлянд.

«Галина Серебряковой далеко идти», — ласково улыбаясь и подмигивая Фридлянду невинно-воровскими глазами, — вторил Тер-Ваганян. «Галина Серебрякова должна писать. Не мешайте ей, товарищи, торопите ее».

Теперь мы знаем, куда сбежали все эти убийцы и политические проститутки.

Фридлянд и расстрелянный ныне Ваганян выступили и с докладами на историко-литературные темы, где провозглашались троцкистская контр-бандла. Мы должны вспомнить этих историко-литературных выступлений этих троцкистских вымогателей в редакции журнала «Октябрь».

Это было в мае 1934 года. Теперь мы знаем, что в то время Л. Ка-

менев готовился к поездке в Ленинград, чтобы все приготовить и всех убийц благословить на убийство нашего Кирова.

«Историк» Тер-Ваганян уже был в то время активным членом троцкистского центра и вел беседы о терроре о Ц. Фридлянда.

Редакция журнала «Октябрь» пригласила Фридлянда докладчиком о проблемах исторического романа. Встретившись с Фридляндом, я с большим уважением и с большим уважением — вроде содоклада — Тер-Ваганян. О чем же говорили эти историкологи, к чему призывали они советских писателей, работающих над историческим романом?

В своем докладе, названном «Основные проблемы исторического романа», Ц. Фридлянд, действительно, поставил «основные проблемы» только по-троцкистски.

«Тематика наших романов... определена двояко...», — клеветнически утверждал Фридлянд, сознательно игнорируя романы Чапыгина, Г. Шприма и других советских писателей. Это нужно было троцкисту Фридлянду для того, чтобы наемнать о «перерождении» наших романистов.

«Смотреть на прошлое «сверху» или «сверху» — в этом существово проса», — расписался Фридлянд. Этими словами он навязывал писателям особенный метод работы над историческим романом.

По мысли Фридлянда советский писатель должен быть вооружен методом Маркса-Ленина-Сталина, который дает силы и возможности писателю объективно оценить и отобразить события и факты минувшего, классовую борьбу крестьян, рабочих и всех эксплуатированных классов, феодализм, крепостничество, купечество и капитализм, а, особой, «шлейфов» токой зрения.

В понимании Фридлянда она означает не только метод, но и безограниченное тематическое историческое романа в специфических интересах Фридлянда и его «духовного отца» Троцкого.

«Дворянская тематика идет дальше», — писал Фридлянд, желая «ре-

волюционизировать» советских писателей. «Расцветла большая литература о Пушкине... но не надо ли на эпоху Пушкина посмотреть, снину, увидеть в ней плебеи, которые до сих пор оставались незамеченными. Когда по нашей литературе исторического романа в течение многих лет гуляет один и тот же «Федька-Умоя Гравью» (крестьянин-бунтарь из романа Ал. Толстого «Петр и...» Е. В.), то я думаю, что это вызывает у нас законное сомнение и протест».

Троцкист Фридлянд к советскому историческому роману и его тематике применил одну из основных контр-революционных теорий Троцкого, являющуюся крестьянство, нелегальною роль его в революции под руководством пролетариата. Так «теория перманентной революции» Троцкого, вошедшая в арсенал фашистской идеологии, обнаружилась у «историка» Фридлянда, решившего потрудиться и на литературном поприще.

Нельзя сказать, чтобы Фридлянд забыл о крестьянстве, говоря об историческом романе. Он прямо заявлял: «Второе русло, по которому идет наш исторический роман, — это крестьянские восстания былых времен — Степняк Разина (Степняк! — Е. В.), Пугачева. Но, товарищи, не только как историк, но как коммунист, как человек советской страны (как патристически аттестовал себя троцкист! — Е. В.), я хочу спросить: «когда наступит пора для исторического романа, изображающего прошлое под углом зрения тех плебеев, которые существовали в прошлом и за последние пятьдесят лет творили революцию?»

Так, обогатив советских писателей, будто бы создающих только дворянские романы, троцкист Фридлянд предлагал устранить крестьянство из советского исторического романа и писать только о «плебеех» последних пятидесяти лет.

Троцкист Фридлянд извращал учение Маркса-Ленина-Сталина о пролетариате и трудовом крестьянстве, об общности их интересов в борьбе с эксплуататорами. Он пытался провозгласить троцкистские идеи о разрыве интересов пролетариата и трудового крестьянства и предлагал эти идеи отображать в советском историческом романе.

Мы знаем, что жанр исторического романа дает писателю возможность обобщить социальные и политические обобщения. Советский исторический роман не должен отрывать историю революционного рабочего движения от общей истории.

Выступавший вслед за Фридляндом В. Тер-Ваганян продолжал развивать «оригинальные» мысли своего единомышленника.

«Тогда» полемизирова с вульгарно-социологическими схемами М. Н. Покровского, Тер-Ваганян не без заднего умысла сделал внезапное открытие, что у нас нет советского исторического романа, да и быть не может.

Для того, чтобы опровергнуть и поставить под сомнение всю работу, ведущую советскими писателями над созданием исторического романа, Тер-Ваганян говорил: «Исторический роман появился вместе с укреплением одной из основных буржуазных демократических идей — национальной идеологии, обнаружившись у «историка» Фридлянда, решившего потрудиться и на литературном поприще.

Нельзя сказать, чтобы Фридлянд забыл о крестьянстве, говоря об историческом романе. Он прямо заявлял: «Второе русло, по которому идет наш исторический роман, — это крестьянские восстания былых времен — Степняк Разина (Степняк! — Е. В.), Пугачева. Но, товарищи, не только как историк, но как коммунист, как человек советской страны (как патристически аттестовал себя троцкист! — Е. В.), я хочу спросить: «когда наступит пора для исторического романа, изображающего прошлое под углом зрения тех плебеев, которые существовали в прошлом и за последние пятьдесят лет творили революцию?»

Так, обогатив советских писателей, будто бы создающих только дворянские романы, троцкист Фридлянд предлагал устранить крестьянство из советского исторического романа и писать только о «плебеех» последних пятидесяти лет.

Троцкист Фридлянд извращал учение Маркса-Ленина-Сталина о пролетариате и трудовом крестьянстве, об общности их интересов в борьбе с эксплуататорами. Он пытался провозгласить троцкистские идеи о разрыве интересов пролетариата и трудового крестьянства и предлагал эти идеи отображать в советском историческом романе.

Мы знаем, что жанр исторического романа дает писателю возможность обобщить социальные и политические обобщения. Советский исторический роман не должен отрывать историю революционного рабочего движения от общей истории.

Нам ясно видны разнеличные знаки между миром капитализма и миром социализма. Мы знаем ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране, и мы под руководством великого Сталина и партии его построили. Мы гордимся тем, что страна победившего социализма — лучшая в мире страна, что она является форпостом междунарольной революции и что мы, большевики, являемся представителями единственного в мире международного, революционного учения Маркса, Ленина и Сталина.

Мы сильны, так как обладаем вернейшим в мире марксистским методом, выкованным классиками марксизма — Марксом-Лениным-Сталиным.

Этот метод, в частности, дает нам возможность распознавать и разоблачать отъявленных врагов трудящихся всего мира и нашего великого народа, как бы враги ни маскировались, в какое бы глубокое подполье они ни заползали.

Но что же Тер-Ваганян определял, как советский исторический роман? Он говорил, что «поллитным историческим романом следует признать такой, который разворачивает социальные потенциалы определенной исторической эпохи, раскрывает идею, из нее (эпохи) вытекающую, имманентную ей».

Современные задачи писателя в историческом романе, по мнению Тер-Ваганяна, должен решать только на современном материале. Обращая же к прошлому, писатель должен отыскать «символические моменты жизни» и на их основе создать «идею» в мире... моя история есть лучшая история в мире».

Тер-Ваганян утверждал далее, что «исторический роман» провозглашает стремительной агрессии национально-идеи к захвату сознания латиноамериканских масс. Исторический роман — латиноамериканская литературная форма для такой агрессии.

Отныне только один из признаков буржуазного исторического романа, Тер-Ваганян при помощи этого пытался отрицать самую возможность существования советского исторического романа.

Тер-Ваганян здесь создавал ложные контрреволюционные аналогии между националистическо-буржуазным романом и советским историческим романом, который Тер-Ваганян, так же, как и Фридлянд, осудил, как реакционный; аналогия между советским историческим романом и временами господства националистического буржуазизма.

Историзму и интернационализму наших исторических романов ли в какой степени не угрожают отравленные троцкистские намеки и подлые аналогии Тер-Ваганяна.

государственности» в романе Ал. Толстого «Петр и...», лютаская мысль о том, что и абсолютистско-бюрократическая монархия, и наше пролетарское государство во имя осуществлявшихся ими целей не считались с жертвами.

Почему троцкистский убийца пытался отстранить всю героическую эпоху борьбы Ленина и Сталина за торжество пролетарской революции, за счастье народа и подменить ее контрреволюционной и подлой идеей о «жертвах революции», об ее врагах, раздавленных мечом пролетарской диктатуры?

Врагу понадобилась эта «стуманитарная» идея для того, чтобы дикмерно навесить читателя на контрреволюционную и подлую аналогию социалистического государства с абсолютистско-бюрократическим монархией. Прием не новый. Это — старая клевета, сфабрикованная Троцким и снова пущенная в оборот его последователями. Почему, формально споря с мнимыми заблуждениями Ал. Толстого, Тер-Ваганян извлек активную готовность продолжать спор на эту «центральную» тему — «о жертвах революции»?

Потому, что, отвернувшись от всех завоеваний Октября и будучи врагом социализма, Ваганян, как фашист, тогда еще не разоблаченный, особенно беспокоился о жертвах революции. Но социалистическое государство во имя счастья всего человечества было и будет беспощадным к врагам народа, к врагам рабочего класса и трудового крестьянства, в частности — к всебешившимся крысам троцкистского подполья. Поэтому контрреволюция, покуда она существует, будет конечно, «нести жертвы». Но предостанм мертвецам подчитывать и оплакивать своих мертвецов.

Как влияла и влияла марксистско-ленинская историография на советский исторический роман? Это — важный вопрос.

До сих пор чаще всего на советский исторический роман влияли ошибки М. Н. Покровского. В известной степени отразились они и на «Петре и...». Несомненно, что историк после решений партии о преодолении истории в школе, после измешных историческое значение замечаний т. Сталина, Кирова и Жданова о конспекте учебников по истории СССР и новой истории работает иначе, чем раньше. Перед советски-

ми писателями, работающими над созданием исторического романа, поставлена большая задача — в борьбе с враждебными концепциями в исторической науке и в художественной практике создавать такие исторические романы, которые содействовали бы большевистскому воспитанию людей.

Поэтому писатели должны внимательно следить за освещением враждебных и ошибочных теорий, в том числе и взглядов вульгарно-социологической школы М. Н. Покровского.

В номере третьего журнала «История в школе» (май-июнь 1936 г.) под рубрикой «На фронте исторической науки» помещена статья К. Радика, названная «Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского».

В этой обзорной статье К. Радика, указывая на отсутствие марксистской разработки Нидерландской революции и Английской революции, одобряет Ц. Фридлянда как историка:

«Мы ищем работу Фридлянда «Марат», представляющую значительный шаг вперед по сравнению с его предыдущими работами...».

Мы обращаемся с просьбой к нашим историкам получить прочитать еще раз книгу Фридлянда о Марате и посмотреть, в какую сторону Фридлянд сделал свой новый, «значительный шаг». Его книга изучается в более подробной и более точной оценке, чем это сделал К. Радик в своей статье.

Зная о действиях троцкиста Фридлянда в нашей литературе, мы вправе обратиться к советским историкам с такой просьбой. Вылазки троцкистских контрреволюционеров и врагов партии могут продолжаться и на фронте исторической науки.

Партия признает нас в величайшей бдительности. Еще не все троцкисты и их пособники разоблачены и обезврежены. Мы должны знать, что в теоретической и практической работе всячески, иногда под покровом тактичности отсыетны, могут присутствовать директивы и установления Троцкого. Мы не имеем права верить слухам и клеветам о «благополучии», потому что мы — ученики Сталина, потому что мы в борьбе с заглавными врагами социализма строим новую жизнь, новую науку и литературу.

